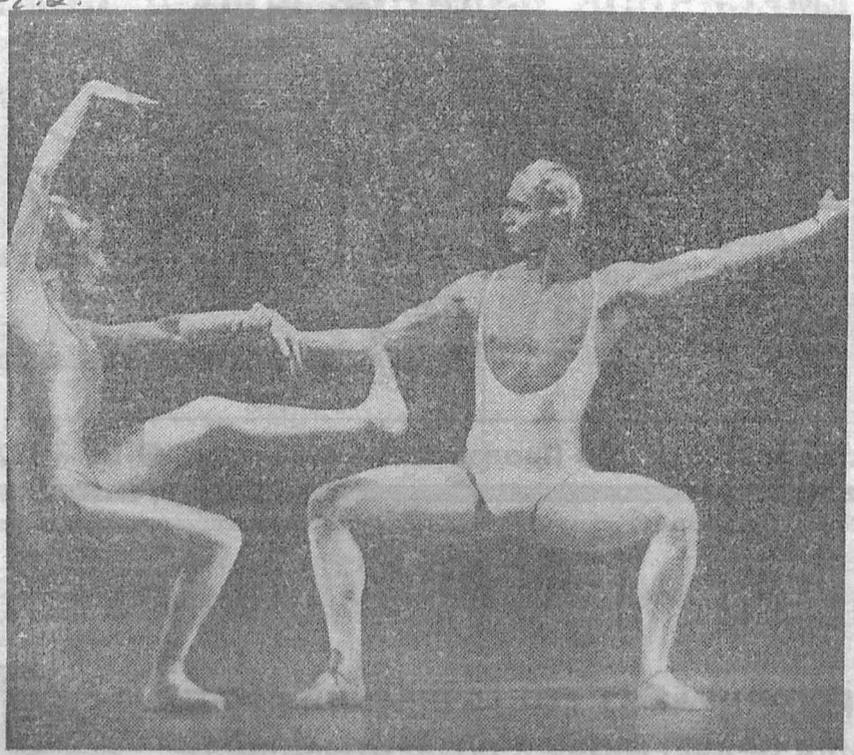

В жаркие июльские дни мы спешили в обветшавшее здание Большого театра, куда из роскошного дворца Гарнье залетела долгожданная труппа «Опера де Пари». РМГ предвзяла эти гастроли извечным русским стоном «О, Пари!», заключавшим в себе и пиетет перед галльским духом, и ожидание встречи с неведомым нам легендарно-скандальным шедевром 1913 г. — «Весной священной», и предвосхищение знакомства с ретроспективой постановок ведущих хореографов Европы и Нового Света, от которых нас упорно отлучали многие годы. Меж тем как Большой балет почти 9 сезонов угрюмо молчит...

● Элизабет Платель — Титания и Жан-Ив Лорио — Оберон в балете «Сон в летнюю ночь».

«ОПЕРА де ПАРИ» —

ПАРАД БАЛЕТМЕЙСТЕРОВ

Первая программа привлекла нас именем уже любимым — Джон Ноймайер. Кажется, только вчера здесь же мы восхитились его «Пер Гюнтом», рожденным в согласии с музыкой А. Шнитке. На этот раз мы увидели «Сон в летнюю ночь», созданный в 1977 году, а в Париже идущий с 1982-го. Спектакль вызвал противоречивые чувства: в жанре балета-пьесы, нами давно порицаемом как отживший, Ноймайер убедительно возвращает нас к медленному вслушиванию — всматриванию. Полистилистика заключена уже в музыкальной композиции: романтическая первооснова Мендельсона, с, казалось бы, постылым «Свадебным маршем», в ткани спектакля воспринимается свежо, прослоенная фрагментами сочинения Д. Лигети. Притом, что комедия Шекспира подробно изложена — в тщательных мизансценах с пантомимой, интермедиями и бурлесками. Соло, дуэты, ансамбли в неоклассическом ключе перемежаются абстрагированными эпизодами на музыку Лигети. Художник Юрген Розе виртуозно владеет светом и цветом, искусно оперирует перемещающейся оливковой рошей, динамизирует действие. Из трех составов выделяются Элизабет Платель в двойной партии Ипполиты и Титании, Жан-Ив Лорио — Тезей и Оберон и более других Пек (и Филострат) Эрик Ву Ан — подвижный, как живое серебро, своим обаянием и легкостью снимающий налет некоей натужности в комических ситуациях...

Вторая программа сулила самые большие радости. Прежде всего, «Весна священная» — ее первоначальная версия, рожденная в «Русских сезонах» С. Дягилева. Наконец-то перед нами высокий опыт Н. Рериха, неистовая маза И. Стравинского, муки поиска В. Нижинским нового пластического языка, адекватного поэтике акмеизма и экспрессионизма. В свое время мы были навсегда покорены грандиозной мистерией Мориса Бежара. И теперь взгляд наш не насыщается версией

Нижинского, но в обратной перспективе времени различаешь, что опыт не бесследен. Тем более, что французским артистам во главе с Патриком Дюпоном удалось воссоздать светлые помыслы и волю авторов, воскресивших в славянских мифах само становление человека, пробуждение личности — в ритуале.

Опус 1970 года (в Париже с 1989-го) «В ночи» на ноктюрны Шопена, поставленный Джеромом Роббинсом, на редкость созвучен французскому искусству вообще и трагическому союзу композитора с Жорж Занд. Три пары будто олицетворяют весну, лето и осень всепоглощающего человеческого чувства, любовного томления. В костюмах Антони Доуэлла, в сияющем в ночи Млечном пути сценического пространства Моник Лудье, Изабель Герен, Мари-Клод Пьетрагалла, Манюэль Легри живописуют тончайшие настроения и красоту жизни.

И каким контрастом являлась трагическая притча Ролана Пети (сценарий Жаана Кокто, музыка И. С. Баха) «Юноша и смерть». О танцевавших в этом спектакле Зизи Жанмейер, Михаиле Барышникове и Рудольфе Нуриеве сотворены легенды. По просмотре видеозаписей свидетельствую: легенды — истинны. Мечты юноши о любви и счастье прерываются пришествием в убогую мансарду обольстительной красавицы смерти. Вместо поцелуя она зажигает на его устах сигарету. Вместо объятий готовит петлю, а вынув его оттуда, следует за ним в свадебном уборе на фоне панорамы вечернего Парижа с вечной Эйфелевой башней и рекламой «Ситроена»... Новое поколение танцовщиков «Опера де Пари», кажется, более склоняется к трактовке авантюрного, на грани гиньоля, склада, — возможно, экзистенциализм Кокто стал реликвией французской культуры...

Совершенно новой была для нас работа американки Туайлы Тарл — поставленный в 1976 году для Барышникова балет «От

пробы к делу» на музыку Й. Гайдна и Д. Лэмба. Преисполненная юмора и всепоглощающей игры, миниатюра воссоздает сам дух американского мюзикла, культура танцовщика и актера, и этим духом сильнее всех вдохновлен Манюэль Легри.

Третья программа-гала отдана артистической молодежи. В труппе пестуют классику, пополняют афишу новыми именами. Мы испытали и радость и разочарование. Культ гибкого, подвижного тела, красивых рук — исконная французская традиция, но как быть с чистотой стиля и манеры в академическом наследии? Виртуознейшие, кружевные номера А. Бурнонвиля и М. Петипа потускнели у юных артистов. Па де де из «Спящей красавицы» и «Щелкунчика» в транскрипции Нуриева не приживутся в нашей стране, где впервые в истории опубликована коллекция подлинных классических вариаций. Вознаграждены мы были дуэтом неизвестного у нас хореографа Уильяма Форсайта из балета «Посредине, слегка на возвышении» на музыку Т. Уиллемса (1987). Изощренный графический почерк постановщика, владеющего острой палитрой, отменно интерпретирован Аньес Летестю и Жозе Мартинезом.

Что же, гастроли труппы «Опера де Пари» завершены. С горечью расстанешься с театром, который давно любишь и почитаешь. Он живет в неперестанном поисках, жадно обогащает репертуар. Французы заполнили многие белые пятна в наших представлениях о мировом хореографическом театре. Но вытеснение настоящих звезд, которыми изобиловали прежние гастроли труппы, — «зтуальями» — оставило нас с грустным вопросом: неужели балет оскудевает яркими личностями? А быть может, идет процесс накопления сил? Мы прощаемся до новых гастролей «Опера де Пари». До возможных ответов на наши вопросы.

Вадим КИСИЛЕВ.
Фото Л. ПЕДЕНЧУК.